

ВАДИМ МАРКОВИЧ РОЗИН

Доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

E-mail: vrozin@iph.ras.ru

Постоянный автор альманаха.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯХ ЧЕЛОВЕКА

В своих исследованиях я реализую подход, который можно назвать «генетическим» и «культурно-семиотическим». Основной метод – рациональная реконструкция истории изучаемых явлений, в данном случае; человека. Последний при этом рассматривается двояко: с одной стороны, человек в качестве «социального индивида» входит в культуру и обусловлен ее реалиями, с другой – как личность («латентная» или актуальная) определяет (обуславливает) сам себя и является поэтому самостоятельной формой социальной жизни.

Первоначально, объясняя, что такое культура и человек, я исходил из семиотического и деятельностного подхода, развитого в Московском методологическом кружке (ММК). В рамках этого подхода культура – это семиотическое и деятельностное образование, а человек – субстрат деятельности и семиозиса. Развивается культура в результате разрешения «ситуаций разрыва», то есть снятия проблем, возникших в контексте воспроизводящейся деятельности. Разрешение ситуаций разрыва предполагает изобретение и формирование новых знаков и деятельности. Поясню, как в ММК понимались семиотика и семиозис.

«Решающим, – пишет создатель этого направления Г.П.Щедровицкий, – должен стать функциональный анализ знаковых образований как элементов социума. Это означает, что исследование надо будет начинать со связей и структур, «внешних» для рассматриваемых знаковых образований, и в них искать ключ для объяснения их «внутреннего» строения... Язык или какое-либо другое знаковое образование, взятое именно таким образом в системе социума, мы и будем называть «семиотическим образованием» [15, с.30]. В знаках в данном направлении семиотики выделяются такие элементы: *знаковая форма, связь значения, объективное содержание*. Знаковая форма, с одной стороны, рассматривается как представляющая «объективное содержание», с другой – как «объект», с которым можно действовать самостоятельно (как, например, мы действуем с числами в математике или словами в поэзии). Объективное содержание, с одной стороны, трактуется как представленное в знаковой форме, с другой – как фиксирующее сопоставление объектов с общественно значимыми эталонами (например, в определенном числе мы фиксируем сопоставление некоторой совокупности с натуральным рядом чисел). Связь значения соединяет оба названных элемента в одно целое – собственно знак.

К середине 60-х годов прошлого века мне удалось выделить следующие типы знаков: «знаки-модели» (когда действия со знаками и объектами сходны для некоторого контекста, например, такими знаками являлись числа-пальцы древних

народов); «знаки-символы» (указанное сходство отсутствует, например, для арабских чисел); «знаки-обозначения» (это главным образом слова как знаки) и «знаки-выделения» (они впервые, как, например, сложный знак, означающий представление архаического человека о душе, задают структуру объекта, обозначенного в знаке) [7; 8].

Позднее, в конце 90-х годов, не отказываясь от семиотической и деятельностной трактовки, я стал рассматривать культуру и человека (личность) как формы социальной жизни. Этот подход, назовем его «социовитальным», позволял еще в одном отношении (используя метафоры «жизни», «рождения», «развития» и «смерти») объяснить устойчивость отдельных культур и переход от одних к другим, а также включить в анализ такие социальные образования как хозяйство, власть, образование, общество, сообщества, личность и другие. В рамках социовитального подхода конкретные культуры (архаическая, культура древних царств, античная, средневековая, нового времени, российская и т.д.) удалось представить как социальные организмы. Отдельные культуры складываются в определенных исторических и социальных условиях, взаимодействуют с другими культурами, развиваются и усложняются, затем распадаются, уступая место другим культурам.

Одновременно в методологическом плане передо мной возникла проблема понять, как связаны между собой деятельностно-семиотическая трактовка культуры и социовитальной. Решение состояло во введении понятий «базисного культурного сценария» и семиотической «схемы». Уже деятельностно-семиотический подход позволил выделить в отдельной культуре базисные представления (например, о душе человека для архаической культуры, о богах для культуры древних царств), которые являются *центральными и сохраняются в течение жизни культуры*. Более того, генезис культур показывает, что под их влиянием складываются и другие основные составляющие культуры (социальные институты, власть, общество, личность, сообщества). Действительно, в рамках базисных культурных сценариев формируются социальные институты, например, для культуры древних царств – это армия, жреческая и царская власть, хозяйство, образование, судопроизводство [9; 10].

Выполняя в социальном организме определенные функции (внешние или внутренние – защиты, управления, производства, воспроизводства, разрешения конфликтов), социальные институты одновременно строятся так, чтобы соответствовать базисным культурным сценариям. Например, армия в культуре древних царств возглавлялась не только полководцами, но, прежде всего, богами войны и народа, поэтому на нее распространялись все основные сакральные сценарии (необходимость жертвоприношений, уяснение воли и указаний богов, ориентировка в сложных отношениях между главными богами, а, по сути, в отношениях с другими институтами).

Общество и сообщества, а позднее (в античной культуре) личность тоже складываются в культуре под влиянием базисных культурных сценариев. Например, общество и сообщества культуры древних царств консолидировались, структурировались и действовали от имени соответствующих богов (каждая община и сообщество имели своего бога-покровителя и, когда вырабатывалось коллективное решение, его идея и побудительный мотив приписывались богам). Наконец, и структура власти, понимаемая как инстанция, связывающая людей с системой управления, существенно обусловлена базисным культурным сценарием.

В свою очередь, базисные культурные сценарии формируются на основе семиотических схем при разрешении «витальных катастроф», то есть комплекса проблем, без решения которых новая культура как форма социальной жизни не могла бы сложиться (если понятие ситуации разрыва позволяет объяснить развитие деятель-

ности, то понятие витальной катастрофы позволяет объяснить *становление* новой культуры). В становящейся культуре схемы как семиотические образования выполняют две важные функции: *обеспечивают организацию деятельности* и *задают новую реальность*. Например, идея души в архаической культуре выражает состояния человека: смерть – это уход души из тела навсегда, болезнь – временный выход души из тела, сновидения – приход к человеку во время сна другой души и т.д.; на основе этого представления складываются социальные практики – захоронение, лечение, толкование сновидений, вызывание душ и общение с ними; на этой же основе отдельный человек воспринимал и понимал свои внутренние состояния. Но и обратно, социальная организация складывается именно при изобретении схем. Одновременно она есть необходимое условие становления культуры: в рамках социальной организации формируются социальные институты и другие социальные образования, например, те же власть, общество, сообщества, личность [9; 10].

В первых двух культурах (в линии развития европейской цивилизации, Восток я не рассматриваю), а именно в «архаической» и «культуре древних царств» человек, являясь семиотическим существом, может быть охарактеризован как социальный индивид. Он, как правило, действовал «как все», идентифицировал себя только с обществом. Складывается в этих культурах (в ситуациях, требующих самостоятельного решения, хотя понимается оно в соответствии с общими социальными представлениями, например, как обусловленное богами) и *латентная личность*. Начиная с античной культуры, формируется *актуальная личность*, то есть человек, **действующий самостоятельно, самостоятельно выстраивающий свою жизнь и представления о действительности**. Но только в эпоху Возрождения и в культуре нового времени личность становится массовым явлением, а сама культура ориентируется на личность [7–11].

Обычно семиотическая и социальная реальности и человек к технике не относятся, даже ей противопоставляются. Но современные исследования рисуют совершенно другую картину, причем техника в ее рамках должна быть охарактеризована тройко: как «артефакт», «опосредование», а также «условие и механизм социальности».

Техника как артефакт сегодня воспринимается не только наравне с первой природой, но даже как *реальность* более *естественная* и *непосредственная*, чем явления первой природы. Отдадим себе отчет: с явлениями первой природы современный человек фактически уже дела не имеет. Вся наша среда – искусственная (температура, освещение, условия проживания и т.п.), пища тоже. Явления же первой природы интересуют нас или как сырье, то есть опять как момент техники, или как *экологические условия*, параметры которых мы должны поддерживать для жизни человека, (следовательно, это тоже продукт нашей деятельности), или как *эстетический феномен* (пейзаж и прочее). И в последнем случае мы имеем дело, как говорил К. Маркс, с «природой, сделанной нами».

Действие и присутствие техники, начиная с XX столетия, воспринимается как основная реальность, *реальность по преимуществу*. И хотя техника сделана человеком, именно она в настоящее время выступает в сознании обычного человека как «естественное», а первая природа – скорее как «искусственное», поскольку ее явления в одних случаях нужно использовать по назначению, а в других сохранять.

Но техника – не только артефакт, она является «**опосредованием**». Многие философы техники пишут, что техника есть посредник между человеком и природой. Однако более важно, что техника есть посредник, точнее опосредование, то есть *окольный путь и создание средств*, между техническим замыслом и его реализацией. Вспомним хотя бы историю с изобретением самолета. Замысел полета человека сложился задолго до того, как удалось построить первый аэроплан. В Древней Греции

был создан миф об Икаре, который подобно ремесленнику сделал из перьев и воска крылья, чтобы летать и, действительно, полетел. Но не реально, а в пространстве мифа, то есть в воображении. Причем, чтобы подчеркнуть отличие замысла от реальности, невозможность его реализации, авторы мифа предусмотрели печальный конец.

Позднее, в эпоху Возрождения Леонардо да Винчи создал проект машины, которая должна была летать, махая крыльями, как птица. Наконец, в конце XIX – начале XX столетий инженеры вышли на идеи и расчеты подъемной силы крыла, винта и мотора, что и позволило создать первые летающие аппараты. Иначе говоря, чтобы реализовать технический замысел (например, летать), необходимо сначала создать определенное техническое устройство (крылья, махолет, самолет). То есть, как опосредование **техника связывает между собой замысел и реализацию и предполагает создание технического устройства, обеспечивающего эту реализацию.**

С точки зрения понятия «опосредование», техникой являются многие вещи, которые мы обычно техникой не считаем, например, знаки, семиотические схемы, счет, сознательное создание армии, суда, науки, выведение новых видов растений или новых пород домашних животных. Действительно, когда, например, сложились идея и образцы армии или суда, что произошло в культуре древних царств и античности, стало возможным сознательно их создавать. Армия и суд – это артефакты, обеспечивающие реальную социальную жизнь, их создание предполагает организацию и обеспечение (то есть создание технического изделия), прежде чем их строить, должно быть принято соответствующее решение (технический замысел).

Еще один пример нетрадиционного понимания техники – создание Аристотелем того, что мы сегодня называем правилами логики. Явно, что это было сознательным делом и потребовало долгих усилий. «Что же касается учения об умозаключениях, – пишет Аристотель в «Софистических опровержениях», – то мы не нашли ничего такого, что было бы сказано до нас, а должны были сами создать его с большой затратой сил» [1, с.593]. То есть налицо был технический замысел, но сложился он, судя по всему, еще в платоновской Академии. Аристотелевские правила логики, безусловно, артефакт, в корне изменивший способы построения знаний и обусловивший формирование античной науки и права. Нет сомнения, что правила логики сознательно создавались Аристотелем, и их система представляет собой сложное построение (произведение), в нашей интерпретации – техническое изделие.

Сознательное выведение культурных растений (пшеница, ячмень, лен, яблони, цитрусовые и прочее), а также домашних животных (лошадей, коров, коз, собак, кошек) тоже должно быть отнесено к технической деятельности. Культурные растения и домашние животные – настоящие технические изделия. Например, чистые породы собак мы сегодня выводим, блокируя возможность случайного спаривания, при этом кинологи добиваются, чтобы выведенные породы отвечали нужным человеку функциональным требованиям. наших собак мы кормим специальной пищей (подобно тому, как заправляем автомобиль нужной маркой бензина), следя, чтобы они не съели на улице что-нибудь не то. Мы специально учим своих любимцев и управляем ими с помощью команд и поводка. Наконец, так же, как и на автомобиль в больших городах, на собаку заводится документ (паспорт), где указаны все необходимые технические характеристики нашего «любимого изделия» (порода, родословная, имя, прививки, адрес хозяина). Возможное возражение: «но ведь собака – это животное, мы их заводим, чтобы они нас или мы их любили, часто собаки нас не слушаются» – не очень серьезное. Автомобиль тоже – не только изделие, но и организованная нами *первая природа*, любим мы его часто не меньше, чем свою собаку, и не всегда справляемся с управлением автомобилем, отсюда поломки и аварии.

Но тогда любой специалист – это тоже техническое изделие? Безусловно, специалисты не растут как грибы в лесу, их нужно создать (обучить и подготовить), и, естественно, они определяют функционирование производства и реальную жизнь в нашей техногенной цивилизации, то есть это артефакты. Каждый специалист как техническое изделие должен соответствовать своему назначению, иметь нужные для дела способности. Одно из необходимых требований к специалисту – они должны быть управляемыми. Наконец, как и всякая другая техника, специалист нуждается в обслуживании (ему должны быть созданы условия для его работы, идти зарплата, он имеет право на лечение).

Наконец, разве обычный человек не является всего лишь техникой? Уже с детства он должен научиться есть ложкой и вилкой, держать ручку, зашнуровывать ботинки и т.д. и т.п., что предполагает превращение наших органов в технические устройства. Даже, чтобы правильно бить ногой мяч, мы должны научиться превращать нашу ногу в подобие молотка – животные этого делать не могут.

Получается, что я присоединяюсь к тезису, который сегодня обсуждает ряд философов, что «буквально все есть техника»? И, да и нет. Нужно учесть, что человек является не только техникой, но также, как отмечалось выше, латентной или актуальной личностью. Во всех этих качествах он ведет себя уже не как техника, а именно, как человек. В эпохи кризиса культуры (а мы, очевидно, находимся в этом периоде) действия и поступки человека часто принципиально нетехничны, они обусловлены общением с другими людьми и экзистенциальными манифестациями самой личности. Применительно к современности подобную ситуацию обсуждает С.С.Неретина: «...при глубинном исчерпании всех способов познания мира субъект разумения (как субъект познания) доходит до полного своего отрицания; прижатый к стене собственного безумия, он побуждается к выходу за собственные пределы, «в ничто»... обнаруживает новые возможности бытия нового мира («мира впервые», в терминологии В.С.Библера) и соответственно нового субъекта, который и является носителем другого разума, другой логики» [5, с.44–45].

Можно вспомнить и Хайдеггера, утверждавшего в статье «Вопрос о технике», что для того, чтобы человек снова стал свободным в отношении техники, он должен кардинально перемениться: «опомнившись, снова ощутить широту своего сущностного пространства» [13].

Соответственно, домашнее животное – это не только техника, но и биологическое животное, и существо, с которым мы общаемся. В первой своей ипостаси оно нас воспринимает как членов биологического сообщества (стаи, популяции), во второй – именно как людей. То есть нужно помнить, что для решения ряда задач необходимо двойное рассмотрение человека, домашних животных, различных социальных образований. С одной стороны, они являются техникой, с другой – нетехникой. Кстати, возникновение в культуре новообразований происходит посредством нетехнического.

Известно, наконец, что развитие и функционирование технологии существенно зависит от социокультурных факторов, тогда получается, что технология – это один из аспектов жизни современного социального организма. Например, технический проект полета на луну одновременно является крупнейшим в XX веке социальным проектом, потребовавшим политических решений, согласия американского общества, перераспределения национальных ресурсов, развития ряда областей науки и техники, приоритетного развития ракетной техники, подготовки астронавтов и многого другого.

Интересно, что подобные грандиозные «социотехнические» проекты – не исключение из правил и достояние преимущественно нашего времени, они появились

уже в древнем мире. Результат их реализации – это так называемые «семь чудес света».

Одно из таких «чудес» мы рассмотрим подробнее, речь идет о древнеегипетских пирамидах. Их создание, как известно, повлекло за собой настоящую техническую революцию. Нужно было научиться обрабатывать большие монолиты камня, перемещать их на большую высоту, строить сами пирамиды, изобрести новые инструменты и орудия производства, разработать технику мумифицирования, развить искусство. Но почти неизвестно, что «проект» создания пирамид был, прежде всего, социокультурным проектом.

Действительно, как я показываю в своих исследованиях, в культуре решение одних проблем, как правило, влечет за собой возникновение других, и так до тех пор, пока не будет разрешен круг («пакет») взаимосвязанных проблем, по сути, проявляющий в ходе такого разрешения взаимосвязанные аспекты социальной жизни. Не был исключением и Древний Египет. Здесь проблема несоответствия представлений, заданных базисным культурным сценарием, в котором утверждалась руководящая роль богов, с реальным положением дел, когда главные повеления и приказы исходили от фараона, была разрешена на основе изобретения ритуала обожествления царя (фараон – это живой бог солнца Ра и одновременно человек, в которого бог вселился). Но в результате возникла еще одна проблема: что делать, когда фараон умирает?

Как египтяне понимали смерть? Для них смерть – это период «очищения души» под землей в царстве Озириса, после чего человек возрождается для новой вечной жизни, причем жизни уже близкой к богам. В отличие от конечной жизни на земле, пишет наш египтолог Татьяна Шеркова, «человек умерший, Озирис имярек в мире богов вечно оставался юным, сопровождая солнечного бога Ра в его ежедневном движении по небесному своду в священной дневной лодке» [14, с.66].

Обожествление фараонов создало для жрецов довольно сложную ситуацию, связанную с выяснением вопроса об их смерти и погребении. В качестве человека фараон мог умереть, и ему полагались торжественные, но все же обычные гробница и ритуал погребения. Но как живой бог фараон вообще не мог умереть в человеческом смысле слова. Его смерть в этом последнем случае есть скорее момент в вечном цикле «смерти-очищения-возрождения». Если фараон – воплощение бога солнца Ра, то его душа после смерти должна вернуться на небо и слиться с сияющим светилом. Но как тогда поступить с телом фараона и что нужно класть в его могилу?

Разрешая эту вторую проблему, египетские жрецы, судя по всему, построили следующее объяснение (сценарий). Да, после смерти фараона его душа, с одной стороны, идет на небо и сливается с Солнцем, но с другой – она проходит цикл очищения и возрождения (ясно, что бог может осуществлять разные деяния, присутствуя сразу во многих местах). А вот тело фараона и его захоронение – это место, где происходит сам процесс очищения и возрождения, и место, куда фараон-бог постоянно возвращается, чтобы общаться со своим народом, вселяя в него силы и уверенность в судьбе.

Но тогда возникали другие вопросы (проблемы). Например, как фараон-бог поднимается на небо и спускается с него вниз в свою гробницу? В данном случае на него важно было ответить, поскольку образ фараона все же двоился: не только бог, но и человек (понятно, как бог попадает на небо, а вот как человек?). Кроме того, фараона нужно было провожать и встречать всем народом, и нельзя было ошибиться в выборе правильных действий. Другой вопрос возникал в связи с идеей, что очищение и возрождение фараона происходят в захоронении, в то время как обычно боги очищались и возрождались под землей (в лоне земли). Третий вопрос – как быть с телом фараона, ведь оно, как и всякий труп умершего человека, разрушается, а бог

не мог изменяться и, возвращаясь к своему народу, он должен воплощаться в то же сияющее тело.

Первую проблему жрецы разрешили весьма изящно, придав захоронению фараона форму и вид горы или лестницы, вознесенной высоко в небо. Известно, что самые первые древние пирамиды напоминали собой гору или были ступенчатыми, то есть представляли собой гигантскую четырехстороннюю лестницу, по которой, как утверждали жрецы, душа фараона поднимается на небо или спускается с него [14, с.67].

Последовательно реализуя эту идею, фараоны строили свои пирамиды все выше и выше с тем, чтобы они касались самого неба. Но когда пирамиды, действительно, уперлись в небо, соединяя его с землей, то есть пирамиды стали космическими объектами, идея сакральной лестницы стала ослабевать. К тому же ее стала вытеснять другая концепция. С одной стороны, ближе к вершине пирамиды и на расстоянии от нее ступени переставали различаться, с другой – все большее значение приобрели расчеты объема пирамиды и каменных работ, которые велись на основе математической модели пирамиды. Ая отмечал в своих работах, что для человека той эпохи математические (знаковые) модели воспринимались как сакральные сущности, сообщенные жрецам богами, сущности, определяющие божественный закон и порядок. Не удивительно, что в скором времени египетские жрецы истинной формой захоронения фараона стали считать не гору или ступенчатую пирамиду, а математическую пирамиду.

Второе затруднение было решено не менее изящно: пирамиде был придан образ самой земли, ее лона. Египетские пирамиды строились не как дом или дворец (то есть образующими пустое пространство, где и совершается обычная жизнь), а наоборот, сплошными и из камня. Получалось, что пирамида как бы поднимается, вырастает из земли, являясь ее прямым продолжением. Кстати, древнеегипетские мифы гласили, что первоначально жизнь возникла на холме, который поднялся (вырос) в океане. В этом плане пирамида воспроизводила и подобный первохолм (гору) жизни. Слияние этих двух структур и форм (математической пирамиды, касающейся неба, и сплошного каменного холма, вырастающего из земли) в конце концов, и дало столь привычный нам гештальт пирамиды, конфигурировавший рассмотренные здесь культурные проблемы и представления.

Наконец, третье затруднение было решено средствами медицины, химии и искусства. Труп фараона бальзамировался, а тело и лицо фараона покрывались великолепными одеждами и золотой маской. В результате жрецы могли рассчитывать на то, что, когда живой бог, спустившись с неба, пожелает воплотиться в свое тело, он найдет его столь же прекрасным, как оно было при жизни фараона, если не еще прекрасней.

Поскольку при жизни фараон владел всем Египтом и ни в чем не нуждался, то ясно, что и после смерти, в периоды воплощения в свое тело и посещения страны (эти периоды мыслились как совпадающие с настоящим) он не должен был страдать от отсутствия какой-либо необходимой ему вещи. Поэтому многие залы египетских пирамид, если их, конечно, еще не разграбили, при открытии их археологами напоминали современный музей. Они содержали почти все вещи (реальные или в скульптурном эквиваленте), известные при жизни погребенного в данной пирамиде фараона имярек в Египте.

Итак, разрешение противоречия между представлением о руководящей роли богов и реальным положением дела, когда все повеления шли от фараона, привело к формированию новой проблемы – что есть смерть царя, в свою очередь ее решение повлекло за собой постановку дополнительных проблем: как помочь фараону взойти

на небо и одновременно проводить его для очищения под землю, как построить лестницу до небес, как при этом оказаться в лоне земли, каким образом сохранить тело фараона от разрушения. Только разрешив все эти проблемы и затруднения, потребовавшие развития сакральных представлений, деятельности и техники, египетские жрецы и фараоны подтвердили и реализовали исходный базисный сценарий [12].

Я привел эту реконструкцию, чтобы показать, что именно культура и социум обуславливают становление техники, причем в разных отношениях. И наоборот, часто новая техника предопределяет на уровне предпосылок формирование новой культуры. Действительно, мы видим, что разделение труда и создание мегамашин (то есть больших управляемых коллективов – примером их является администрация царя, войско, «трудовые армии»), что, без сомнения, есть новая техника, выступили предпосылкой становления культуры древних царств. Но не похожий ли по логике процесс имеет место сегодня? Разве мы не живем при становлении новой цивилизации, где на место привычных культур и национальных государств встают «метакультуры» и другие глобальные социальные образования?

Так, начиная со второй половины XX века, можно говорить о становлении суперорганизмов социальной жизни – лагерей социализма и капитализма («политические метакультуры»), экономических зон США, Общего Рынка, Японии, Китая и Юго-Восточной Азии («регионально-хозяйственные метакультуры»), буддийского, мусульманского, христианского мира («конфессиональные метакультуры»), наконец, единого социального пространства Земли («планетарная метакультура»). Для каждого из этих суперорганизмов характерно (в прошлом или в настоящее время) постепенное формирование общих институтов, становление единых условий хозяйственной и экономической деятельности, сходных структур власти, принятие общих политических деклараций, создание союзов и других политических объединений. В некоторых случаях, как например, для социалистического лагеря речь шла даже о едином базисном культурном сценарии, едином хозяйстве и системе управления (власти). К этому же фактически движется Общий Рынок.

Становление метакультур современности было связано с новыми техническими возможностями, которые были осознаны, начиная со второй половины прошлого столетия. Современные транспортные системы (прежде всего авиация, быстроходные корабли, скоростные железные дороги), средства связи (радио, телевидение, электронная почта, Интернет), высокие технологии, новые экономические схемы и системы, даже западное право (вспомним, как ловко террористы используют для своих целей западные законы) в корне изменили многие социальные процессы, позволив сблизить и объединить отдельные, до того не связанные между собой, территории и социальные структуры. Под воздействием новых возможностей (к ним относятся даже ядерные войны или международный терроризм) меняются и основные системы жизнеобеспечения культуры.

В чем отличие метакультур от обычных культур? Субстрат метакультур включает в себя не только людей, технологии и сети, но и отдельные культуры и национальные государства, прежде существовавшие самостоятельно. Подобно тому, как в свое время при становлении первых культур формировались институты и хозяйство, обеспечивающие базисные, а затем и производные потребности людей, сегодня метакультуры начинают обеспечивать потребности отдельных культур и государств, входящих в метакультуры. И обратно, отдельные культуры и государства как субстрат метакультуры, начинают трансформироваться, приспосабливаясь к выполнению специализированных функций в суперорганизме метакультуры.

Становление метакультур современности – это, конечно, не одномоментный акт и процесс, а длительный исторический процесс, даже много разных процессов. Сюда входит манифестация ведущих идей и ценностей данной метакультуры, борьба с картинами мира отдельных культур, попадающих в подчинение данной метакультуры, создание систем жизнеобеспечения (хозяйственных и экономических институтов, новой системы власти и образования и др.) и много чего другого, включая борьбу с другими метакультурами. Какая идеологическая борьба, например, велась между лагерями социализма и капитализма! Вероятно, всегда становление нового социального организма предполагает нахождение *антипода, врага, системы представлений*, относительно которых можно осознать и оформить свои собственные представления. Впрочем, этот пример с формированием метакультур нам нужен, прежде всего, чтобы показать, что именно современная техника и технология обусловили, как одна из предпосылок, становление подобных новых социальных организмов.

Однако для уяснения сущности техники не менее существенно то, что именно культура и социум являются не только «зачинщиками» новой техники, но и определяют направления и условия ее становления. Оказывается, вообще, что без технического воплощения культура как социальный организм существовать не может. Она не может существовать без социальных институтов, без хозяйства, без удостоверения своей реальности. Особенно большое влияние на развитие культуры и человека оказало при становлении культуры нового времени техническое истолкование социальности.

Как благо техника всегда понимается культуросообразно, и эта сообразность задается картинами мира. Но заметим, что во всех культурах, кроме нового времени, техника не составляла интимной сущности данной культуры. Да, человек на основе техники мог склонить духов или богов, или Творца помочь ему. Без этого, заметим, он не мог бы выжить, не говоря уже о богатстве и процветании. Но эта помощь, то есть, с нашей точки зрения, технический эффект, не совпадала с основными целями культуры. И вот почему.

До изобретения естественных наук и инженерии возможность обнаруживать эффекты природы и управлять природными процессами *была ограничена техническим опытом человека*, который основывался на *методе проб и ошибок*. Культура же, представляющая собой социальный организм (культуры складываются, проходят цикл жизни и развития, а по истечении времени умирают, уступая место следующим культурам), не может строиться на таком ненадежном источнике. Представления о духах, богах, сущем и Творце были достаточны, чтобы возникли и развивались соответствующие культуры (архаическая, древних царств, античная и средневековая), но недостаточны, чтобы на регулярной основе обнаруживать новые природные процессы и эффекты и овладевать ими, превращая их в средства человеческой деятельности.

Совершенно другая картина складывается в культуре нового времени. Пройдя период переосмысления в средние века, природа стала пониматься как источник скрытых сил и энергий, которыми человек может овладеть, если только в новой науке он выявит устройство (законы) природы. В результате на рубеже XVI–XVII вв. формируется своеобразный социальный проект – *создание новых наук и овладение силами природы с целью преодоления кризиса и установления в мире нового порядка, обеспечивающего человеку почти божественное могущество*. Действительно, обратим внимание на характер схем новой науки и инженерии, намеченных Бэконом. В совокупности они составляли своеобразный социальный проект, поскольку эти идеи еще не были реализованы, и не было ясно, удастся ли практически это сделать, то есть с помощью новой науки заставить природу работать на человека. Однако

известно, что начиная с XVII века, удалось построить и новую науку о природе, и новую практику (инженерную), опирающуюся на естествознание.

Важно, что в XVI–XVII вв. **техника концептуализируется как условие социальности культуры нового времени**. Наиболее четко это выразили Г.Галилей и Ф.Бэкон, утверждавшие, что новые науки и искусства – необходимое условие могущества, благосостояния и развития гражданского общества. В «Новом органоне», обсуждая вопрос, в чем заключается различие между развитыми и «дикими» народами, Ф.Бэкон пишет, что оно происходит «не от почвы и не от климата, а прежде всего от наук и искусств» [2, с.191–192]. Теперь **социальная жизнь все больше стала пониматься, как изучение законов природы** (при этом и сам человек, и общество тоже понимались как природные явления), **обнаружение ее практических эффектов, создание в инженерии механизмов и машин, реализующих законы природы, удовлетворение на основе достижений естественных наук и инженерии растущих потребностей человека**. Просвещение не только развивает это новое мировоззрение, но и создает условия для распространения его в жизнь. Известно, что объединенные вокруг «Энциклопедии» передовые мыслители хотели осуществить начертанный Ф.Бэконом план «великого восстановления наук», связывающий социальный прогресс с прогрессом научным. Исходными идеями для всех просветителей стали понятия природы и воспитания. Последнее должно было подготовить нового просвещенного, а, по сути, естественнонаучно и технически ориентированного человека [3].

«Просветители XVIII в., – пишет А.П.Огурцов, – довели до конца подход к миру как к машине, созданной Богом. Природа мыслится как машина, а ее законы постижимы благодаря техническим средствам... понятие «естественного закона» становится фундаментальным не только для естествознания, но и для складывающейся общественной науки, прежде всего для концепций естественного права и учения о морали» [6, с.45].

«Уже в проекте Талейрана (1784–1838) образование рассматривается как «власть, ибо оно охватывает целую систему различных функций, неизменно направленных к совершенствованию политического строя и к общему благу»... Образование, построенное на принципах Разума, делает человека «счастливым и полезным»... Даже Кондорсэ, отстаивавший свободу слова и автономность образовательных учреждений от государственной власти, видел цель образования в том, чтобы «открыть всему человечеству способы удовлетворить свои потребности, обеспечить свое благосостояние, познать и использовать свои права, понять и выполнить свои обязанности» [6, с.59–60].

«Государи (по словам Руссо. – *В.Р.*) должны поощрять искусства и науки, в противном случае подданные «остались бы невежественными и бедными» [6, с.95].

«Прогресс наук (пишет Кондорсэ в книге «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума». – *В.Р.*) обеспечивает прогресс промышленности, который сам затем ускоряет научные успехи, и это взаимное влияние, действие которого беспрестанно возобновляется, должно быть причислено к более деятельным, наиболее могущественным причинам совершенствования человеческого рода» [6, с.250]. С прогрессом наук Кондорсэ связывает увеличение массы продуктов, уменьшение сырьевых и материальных затрат при выпуске продуктов промышленности, уменьшение доли тяжелого труда, повышение целесообразности и рациональности потребления, рост народонаселения и в конечном итоге устранение вредных воздействий работ, привычек и климата, удлинение продолжительности человеческой жизни... В последней главе, посвященной десятой эпохе, Кондорсэ намечает основные линии будущего прогресса человеческого разума и основанного на нем прогресса в

социальной жизни человека: уничтожение неравенства между нациями, прогресс равенства между различными классами того же народа, социального равенства между людьми, наконец, действительное совершенствование человека» [6, с. 149, 151–152].

Для нашего современного уха и сознания все эти декларации и утверждения привычны, но они не были столь привычными для людей того времени. К тому же я хочу обратить внимание на момент вовсе не очевидный, а именно, что наше понимание социальности – благополучия, счастья, безопасности, свободы и прочее в эпоху Просвещения было тесно увязано с прогрессом естественных наук и основанных на нем технике и промышленности.

Но известно, что, начиная со второй половины XIX века, все более явными становятся негативные последствия техники. Возникает вопрос, откуда они берутся, если, создавая технику, человек вроде бы не только познает интересующие его природные процессы, но и полностью ими овладевает? Во всяком случае, именно так думали последователи Галилея, Гюйгенса и Ньютона. Однако дело в том, что в естественной науке и инженерии человек осваивает только, так сказать, «рабочие процессы» природы, то есть те, которые давали интересующий человека практический эффект. Однако оказалось, что **реализация рабочих процессов запускала не только другие, уже непредусмотренные инженером природные процессы, а те следующие, но эта реализация влекла за собой существенные изменения в структуре человеческой деятельности и образе его жизни.**

Например, экологически значимые последствия техники возникают по следующей причине. Создание технического изделия предполагает запуск и поддержание определенного природного рабочего процесса (например, сгорание в реактивном двигателе топлива и истекание продуктов горения через сопло с большой скоростью). Но этот природный процесс осуществляется не в вакууме или в космосе далеко от земли, а на земле. Наша же планета представляет собой не только природу, «написанную на языке математики», но и **экологический организм**, где существование различных условий и форм жизни существенно зависит от параметров природной среды. Однако, запуск и поддержание природного процесса, реализованного в техническом изделии, как правило, изменяет ряд таких параметров. В данном примере сгорание и истекание топлива ведут к выбросу тепла и химических отходов сгорания, образованию звуковой волны и прочее. При этом, поскольку одни среды в экологическом планетарном организме связаны с другими, изменение параметров в одной среде влечет за собой соответствующие изменения параметров в средах, примыкающих к данной. В результате возникает целая цепь изменений параметров среды.

Но почему развитие техники изменяет деятельность, а затем и образ жизни человека? В силу сдвига на средства и условия. Так, для запуска ракет необходимо было создать специальные пусковые установки, двигатели, конструкции, материалы, топливо. В свою очередь, для их создания нужно было разработать другие конструкции и технические компоненты. Необходимое условие и того и другого – осуществление исследований, инженерных разработок, проведение экспериментов, лабораторных испытаний, строительство различных сооружений, организация служб и т.д. и т.п. В результате создание ракет привело к развертыванию системы деятельностей, а также сложнейшей инфраструктуры (были построены ракетодомы, где происходил запуск ракет и действовали различные службы обеспечения).

И это не все: в XX столетии происходит формирование замкнутой планетарной технической среды. **Цепи изменений параметров природной среды, деятельности, инфраструктур и условий жизни человека замыкаются друг на друга, а также на природные материалы и человека.**

Действительно, в техногенной цивилизации и технических системах одни параметры природной среды, деятельности и инфраструктур выступают как условия (или средства) для других. При этом кажется, что единственными нетехническими элементами остаются природные сырьевые материалы (земля, минералы, уголь, нефть, газ, воздух, вода и т.д.), а также человек. Но разве в рамках современной техники и технологии человек и природа не превратились в «постав», сами не стали ресурсами новой техники и производства? Но если это так, то неконтролируемое развитие техники и технологии, действительно, ведет к непредсказуемой и опасной трансформации как нашей планеты, так и самого человека.

В целом сегодня приходится различать: «**физическую реальность**», законы которой описывают естественные науки (это то, что всегда называлось «первой природой»); «**экологическую реальность**», элементом которой является биологическая жизнь и человек, и «**социальную реальность**», к которой принадлежит человеческая деятельность, социальные системы, инфраструктуры и т.п. (обычно именно это относят ко «второй и третьей природе»).

В рамках так понимаемой, по сути, «**планетарной природы**» уже не действует формула, что «природа написана на языке математики». «Необходимым здесь, – пишет Д.Ефременко, – становится понимание технического развития как *процесса изменения техники, сопряженного с изменениями в природе и обществе*. Суть этого понимания лаконично сформулирована Ж.Бодрийяром: «Люди и техника, потребности и вещи взаимно структурируют друг друга – к лучшему или худшему» [4, с.72]. Учтем и еще одно обстоятельство.

Картина мира (сценарий) нового времени является «распределенной», то есть образуется несколькими группами практически несогласованных идей. Одни из них пришли из средневековой культуры и Возрождения, другие были заимствованы из античности, третьи – созданы мыслителями XVI–XVIII вв. В «негомогенных культурах» (античность и новое время), где имеют место подобные сценарии и складываются разные типы личностей, важное значение приобретают «фундаментальные дискурсы». Например, известные работы Зигмунда Фрейда и развитие на их основе идеи психоанализа представляет собой подобный дискурс (назовем его «психоаналитическим»). Он не столько описывает то, что было в культуре, сколько вмещает человеку нового времени определенные реалии – преувеличенное значение сексуальности и конфликтов. Другими словами, фундаментальные дискурсы выполняют роль социальной нормы, но не всеобщей, как в «гомогенной культуре» (древнего мира и средних веков), а приватной или групповой.

Фундаментальный дискурс хотя и выступает в качестве социальной нормы, но не для всех, а только для тех, кому он «приглянулся» (на самом деле в большинстве случаев индивид не осознает возможность свободного выбора дискурсов, обычно фундаментальный дискурс воспринимается как сама реальность). Фундаментальные дискурсы создают возможность свободного личного или группового поведения, которое уже не оценивается автоматически как нарушение культурных норм. В негомогенных культурах, как правило, одни фундаментальные дискурсы противостоят другим, и между их сторонниками идет полемика.

Особый вопрос – как такие дискурсы соотносятся с картинами мира. Например, культуре нового времени наука задает для рационального человека картину мира (представление о природе, рациональном знании, инженерии и т.п.). Но при этом допускается, что ученый может быть религиозным человеком. В данном случае его религиозные представления являются фундаментальным дискурсом. Напротив, для папского государства картину мира задают религиозные представления, а увлечение какого-нибудь кардинала наукой есть факт его частной жизни и фундаментального

дискурса. Важно другое, если некто принял определенный фундаментальный дискурс, проникся его содержанием, то для него этот дискурс задает саму реальность и соответствующие ей формы поведения. Как социальная норма фундаментальный дискурс принудителен.

Принимая определенный фундаментальный дискурс (несколько дискурсов) личность начинает действовать в его рамках. При этом она вынуждена любой материал и свои собственные действия вводить в эти рамки; необходимое условие этого – воссоздание реальности под соответствующим углом зрения. Например, некто проникся «научно-инженерным» дискурсом, то есть считает, что ничего, кроме природы, не существует, и всякое действие опирается на законы природы. Дальше он сталкивается с определенными проблемами (социальными или личными). Поскольку он мыслит и действует в рамках научно-инженерного дискурса, постольку и понимание этих проблем, и их разрешение для него осмысленно лишь в схеме этого фундаментального дискурса. Например, он считает, что проблемы, с которыми он столкнулся, связаны с естественными (природными) противоречиями или факторами, а их решение предполагает разворачивание технического действия, воздействующего на данные противоречия и факторы.

Однако неправильно думать, что принятие фундаментального дискурса и подведение под него личностного событийного материала – автоматический процесс. Напротив, исследования М.Хайдеггера и М.Фуко, а у нас, например, М.Мамардашвили, Л.Ионина, А.Пузыря, показывают, что необходимое условие обоих процессов – формирование социальных практик и вовлечение в них человека. Одно из первых мест здесь занимают образование (и идеология), СМИ, на втором месте идут искусство, профессиональные занятия, образ и стиль жизни и другие. Например, психологические практики, неважно, будет ли это занятие психологической наукой или посещение психотерапевта, выполняют в современной культуре важную роль именно в плане способствования принятия человеком различных фундаментальных дискурсов, а также их реализации в жизни личности.

Если ренессансный человек еще не имел средств удовлетворения своих желаний и не знал, как себя изменить (чтобы, как писал в трактате «О достоинстве человека» Пико делла Мирандола, «переродиться в низшие, неразумные существа или в высшие божественные»), то этого не скажешь о современном человеке. Он уже обладает такими средствами и знает, как целенаправленно переделывать себя. Безусловно, это связано с технической цивилизацией, основанной на естественных науках, инженерии, индустриальном производстве и потреблении. Опять же это можно проиллюстрировать на примере психологии.

Действительно, распространение на человека естественнонаучного подхода приводит к построению научной психологии. Распространение инженерного подхода – к становлению психотехники. Включение внутреннего мира и поведения человека в сферу потребления ведет к появлению психологических услуг. Сегодня нам кажется естественным, когда психолог предлагает свои услуги и утверждает, что у вас есть психологические проблемы, которые он поможет разрешить. Однако еще в XIX веке внутренняя жизнь человека рассматривались иначе: или как находящаяся в сфере действия божественных сил и замыслов, или как область, не подлежащая вмешательству со стороны. Различные проблемы внутренней жизни, которые мы сегодня относим к компетенции психотерапевта, в те времена понимались совершенно по-другому: такова природа, характер, конституция, судьба, наказание свыше и т.п. Именно развитие психологии и психологических услуг, как это показывают современные исследования (например, работы М.Фуко), позволили обнаружить в человеке психические нарушения и заболевания, а, по сути, конституировать их.

Каждая новая психологическая теория или практика – это новая потенциальная область таких нарушений и заболеваний. Но те же теории и практики гарантируют их разрешение.

Каков же выход из сложившейся ситуации? К сожалению, пока наблюдается больше попыток ответить на вызовы нашего времени, находясь в лоне техногенной цивилизации. Например, в своих воспоминаниях В.Н.Тимофей-Ресовский призывает разумно на основе научных исследований использовать возможности нашей планеты и биосферы, с тем, чтобы можно было прокормить миллиарды людей и не разрушить саму биосферу. Одновременно, он не ставит под сомнение необходимость сложившегося хода развития человечества, когда его население катастрофически растёт, а лавинообразно нарастающие проблемы продолжают решаться в логике технократического дискурса.

И все же, думаю, надежда существует. Во-первых, нарастание отрицательных и катастрофических последствий технологического развития рано или поздно (естественно, лучше, чтобы это произошло пораньше) заставит людей задуматься над причинами неблагополучия и попытаться изменить свой образ жизни. Во-вторых, элиты современной цивилизации (философы, ученые, политики, менеджеры, государственные деятели и др.) постепенно будут приходить к пониманию серьезности ситуации и начнут искать новые формы поведения и способы решения задач.

Анализ показывает, что техника в широком понимании является сверхсложной органической системой. Хотя в нее встроены искусственные механизмы (например, формы осознания и системы социального воздействия), думать, что с их помощью можно управлять или просто контролируемо влиять на технологическое развитие, было бы наивным. По сути, решение состояло бы в том, чтобы поменять наш тип цивилизации на другой, более осмысленный и безопасный. Но цивилизация – не объект демиургических действий, да и где взять нужного демиурга? Проблематичными являются даже более простые усилия, например, направленные на преобразование отдельных социальных институтов.

Выход один – начать с себя, единственная надежда – на думающую личность. Рано или поздно, но кризис техногенной цивилизации станет всеобщим, игнорировать его уже не удастся в силу катастрофических последствий и техногенных разрушений. Здесь личность и скажет свое слово. Человеку, чтобы сначала выжить, а затем жить и развиваться нормально, придется создать новую мораль, например, отказаться от всех проектов, угрожающих природе или культуре, научиться по-новому использовать технику и технологию (не теряя над ней контроль), перестроить свои интересы и характер деятельности. Главным станет не рост благосостояния, комфорта, силы на основе техники и технологии, а безопасное развитие, контроль над собственными средствами, поиск необходимых условий и ограничений. В их число, судя по всему, войдет контроль над рождаемостью, поддержание только тех стандартов потребления, которые обеспечивают здоровый образ жизни, разумное использование технических средств и изделий. Но, конечно, усилия «снизу» от отдельного человека должны быть поддержаны усилиями «сверху» от государства и других институтов.

Безусловно, должно измениться и само понимание техники. Прежде всего, необходимо преодолеть натуралистическое, инструменталистское представление техники. Ему на смену должно прийти понимание техники, с одной стороны, как проявления сложных интеллектуальных и социокультурных процессов (познания и исследования, инженерной и проектировочной деятельности, развития технологий, сферы экономических и политических решений и т.д.), с другой – как особой среды обитания человека, навязывающей ему средовые архетипы, ритмы функционирования, эстетические образы и т.п. Необходимо осознать как природу техники, так

и последствия технического развития и включить оба эти момента в саму идею и концепцию техники. В свою очередь, это означает, что будет дана оценка этих последствий. Вероятно, участие общественности в обсуждении и оценке современной техники является одной из предпосылок становления нового понимания техники и преодоления кризиса техногенной цивилизации. Но только одной.

Не менее важны усилия в других направлениях: разведение понятий техники и социальности, обсуждение новых типов социальности, необходимых для современного человека и на перспективу, анализ и минимизация негативных последствий научно-технического развития, критика технократического дискурса, смена традиционной научно-инженерной картины мира, реформы в сфере технического и гуманитарного образования, создание социальных институтов, ориентированных на новые типы социальности, и многое другое. Движение в этом направлении уже видно, хотя пока – это только тенденции, только отдельные ростки и очаги новой жизни, которые с трудом пробивают себе дорогу на фоне постова и бурного развития структур техногенной цивилизации.

Важно, чтобы все, от кого это зависит (философы, ученые, инженеры, политики, журналисты и т.д.), уяснили, что **дело не в технике, а в том типе социальности, который сложился в последние столетия.** До тех пор, пока мы будем думать, что техника – это главное, что основные социальные проблемы решаются на ее основе, что благополучие человечества непосредственным образом связано с развитием современных технологий – мы будем и дальше способствовать углублению кризиса нашей цивилизации. Хотя в нашей техногенной цивилизации именно техника играет колоссальную роль, с точки зрения перспектив развития, нужно способствовать пониманию того, что это вещи разные. Сложившийся тип социальности нас больше не может удовлетворять. Убеждение, что основные социальные проблемы можно решать на основе техники, все больше становится деструктивным моментом. Любой социум и культура предполагают технику, но не определяются полностью последней.

Литература

1. *Аристотель*. О софистических опровержениях // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. – М., 1978. – Т.2.
2. *Бэкон Ф.* Новый органон. – Л., 1935.
3. *Длугач Т.Б.* Просвещение // Новая философская энциклопедия. – М., 2001.
4. *Ефременко Д.В.* Введение в оценку техники. – М., 2002.
5. *Неретина С.С.* Слово и текст в средневековой культуре. История: миф, время, загадка. – М., 1994.
6. *Огурцов А.П.* Философия науки эпохи Просвещения. – М.: ИФ РАН, 1993.
7. *Розин В.М.* Культурология. – М., 1998–2002.
8. *Розин В.М.* Семиотические исследования. – М., 2001.
9. *Розин В.М.* Теория культуры. – М., 2004.
10. *Розин В.М.* Право, власть, гражданское общество. – Алматы, 2003.
11. *Розин В.М.* Личность и ее изучение. – М., 2004.
12. *Розин В.М.* Философия техники. – М., 2001.
13. *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Мартин Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. – М., 1993.
14. *Шеркова Т.* Выхождение в день // Архетип. – 1996. – №1.
15. *Щедровицкий Г.П.* О методе семиотического исследования знаковых систем // Семиотика и восточные языки. – М., 1967.